

Кто бы мог подумать!?

ВЛАДИМИР МЕНЬШОВ: *Моск. комсомолец. — 1995. — 10 нояб. — С. 7.*

“КТО ПОПРОБОВАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЯСА, УЖЕ НЕ МОЖЕТ ПИТАТЬСЯ ГОВЯДИНОЙ”

Владимир Меньшов и Гаврюша родились в один день. В сентябре Владимиру Меньшову исполнилось 56 лет. Гаврюше — 10. Вместе с Гаврюшей они живут в солидном кирпичном доме рядом с Тверской. Гаврюша не значит ничем, кроме своего заливающего лая.

— Главный член вашей семьи — это Гаврюша?

— Да. Тем более, что он немолодой. 10 лет — это по-собачьи 70.

— А до этого у вас были собаки?

— Нет, к сожалению. Мы всю жизнь мечтали о собаке, любили ходить на собачьи выставки, но завести собаку не рисковали: у нас долгое время не было жилья, наш гастрольный образ жизни требует каждый раз куда-то собаку помещать. А потом, когда увидели Гаврюшу, да я еще узнал, что мы с ним в один день родились, то выхода не было: мы его взяли. Когда нас нет, кто-нибудь из друзей приезжает, живет здесь.

— Вы живете с женой, дочерью и собакой. Вас еще устраивает эта квартира? Или вам для жизни нужно большее пространство?

— Нет. Я лет до 30 по общежитиям жил. И Юлия (теперь уже Юлия — ведущая программы “Я сама” на “ТВ-6”) родилась в театральном общежитии. Была комната в трехкомнатной квартире, куда всегда могли еще кого-то подселить. Потом была трехкомнатная в Олимпийской деревне. В 89-м мы переехали сюда. Дом этот шикарный, так что здесь мы счастливы: идеальный для нас вариант. Посмотрите, какая кухня: семья из пяти человек может жить. Мы втроем. У каждого по комнате, холл, где стоит телевизор. За стенкой — Иннокентий Михайлович Смоктуновский, к сожалению, покойный, жил.

— Обычная ситуация, когда муж-режиссер снимает жену-актрису очень много и часто. Вы снимаете свою жену не так уж много и не так уж часто...

— У нас отношения с самого начала так сложились. Когда женились, это не входило в планы. Я был актер-студент, она была студентка-актриса. Она и не думала, что когда-нибудь я ее буду снимать. Когда актриса выходит замуж за режиссера, какая бы большая любовь ни была, у нее при этом все-таки задняя мысль есть: “А еще он меня и снимать будет”. Если он не снимает, то рождается обратная мысль: “Какого черта я за него замуж вышла”.

Мы же поженились бескорыстно — два нищих студента, и долгое время бедствовали, и Юлька в нищете родилась. Это оказалось подарком судьбы, что я из актеров перешел в режиссеры и что еще снимаю ее в главных ролях: из четырех фильмов в двух она снялась. Но зато в каких. “Москва слезам не ве-

рит” — это судьба. Если бы это снимал не я, то, думаю, маловероятно, чтобы Вере предложили эту роль. По типуажу она не очень подходит. Это уже я, зная ее изнутри, взял ее на эту роль. Я очень рад, что она снялась. Женщины в ней узнают самих себя, свои переживания: это больше, чем просто роль.

— Вы активно снимались как актер. Кем вы в большей степени себя чувствуете: актером или кинорежиссером?

— Я, конечно, чувствую себя режиссером. Это даже и не обсуждаемый вопрос. Все, кто попробовал человеческого мяса, уже не могут питаться просто говядиной. А режиссерская профессия, безусловно, волшебная, потому что это возможность создания параллельного мира, второго мира. Это удивительное чувство, которое нам дает актерская профессия. Я ею с удовольствием занимаюсь как хобби, иногда серьезно. В последние годы я получил много комплиментов от очень серьезных режиссеров по поводу своих актерских работ: в “Курьере”, в “Городе Зеро”. Андрон Кончаловский, вдруг схватив в коридоре за пояс, говорил мне, что я актер на уровне Николсона. По поводу моей эпизодной роли в картине Урсулюка “Русский рэптайм” даже была отдельная статья в журнале “Искусство кино”. Это мне помогало держаться и материально, и в профессии, потому что, когда я начинал картину “Ширли-Мырли”, у меня была страшная мысль, что я разучился за 10 лет снимать. Когда вышел на площадку, оказалось, что я в форме.

— “Ширли-мырли”. Почему?

— Начиналась эта картина с желанием сломать стену между зрителями и кинематографистами. Каким жанром? Сейчас скальпелем работать бесполезно: тонкому, изящному кино к зрителям не пробиться. А я не могу победить ощущение, что я работаю, когда я ощущаю полный зал. Я, честно говоря, избалованный: у меня не было картин, на просмотре которых не были бы заполнены битком залы. На “Москве слезам не верит” три месяца без перерыва битком был набит зал в “России” и в “Октябре”. Она только в двух кинотеатрах собрала миллион зрителей за три месяца, а потом уже пошла по всей Москве в 40 кинотеатрах. Пытаясь сломать эту стену, я предложил жанр фарса, комедии положений.

— Долго вы чувствовали всенародную любовь после “Москвы”?

— Я помню кинофестивали, встречи с народом — выходят народные артисты, а потом: “заслуженный артист Савелий Кра...” — еще не договорили: “Савелий Крамаров”, — такой визг стоит, что видно сразу — популярность Савелия Крамарова во много раз превышает всех народных артистов Советского Союза. Такая же история бывала, когда мы приезжали за границу. Компания маститых режиссеров. Начинается представление: народный артист, автор такого-то фильма, другой народный артист, потом — “автор фильма “Москва слезам не верит” — и в зале такой вой и крик, что народные очень обижаются на происходящее. С одной стороны, это приятно, но это не определяющее в моей жизни.

— Какой следующий фильм вы будете снимать? Это снова будет через 10 лет?

— Заречься не могу. У меня есть один замысел. Мы сейчас попытаемся вывести его в более-менее законченный синопсис — страниц на 40. И я дам авторитетным для меня людям почитать. Это необходимый этап, потому что у меня всегда есть некоторая неуверенность в начале работы. Мне необходимо, чтобы меня убедили, что интересно, или, наоборот, говорили, что очень плохо, а во мне крепло убеждение — не уверенность, но некое интуитивное чувство, что мне нужно это снять. Это как любовь: сколько бы мама с папой ни говорили, что девушка не самая единственная и подходящая, тем не менее, если тебя тянет, то это все равно пересилит.

Михаил СИДЛИН.

Фото Александра АСТАФЬЕВА и Кати ПАВЕЛКО.

